

Притча о слепых

Откуда вы, каких вы стран жильцы?
Какого толка, времени какого?
Коварств каких вы крёстные отцы?
И страшно мне: слепой нашёл слепого.

Слепая цепь, и поводырь слепой.
Окраиной брабантского селенья
Идут они, и каждый сам собой
Безмолвье превращает в отупленье.

Но вот свершилось: рухнул поводырь,
Идущий следом потерял дорогу,
А третий смотрит в небо как в пустырь,
Как будто бы прислушиваясь к Богу.

Четвёртые ещё отделены
От этих мук на расстоянье шага.
И страшно мне: мы все обречены,
Когда—впотьмах, без доблести и флага.

И страшно мне: когда гляжу на них,
Когда в тиши вынынчиваю слово
И думаю над притчей о слепых—
Я слышу: то продвинется, то снова,
Забуксовав, проскальзывает стих:
Сидит слепой и пишет про слепого,
И жерло Бездны смотрит на слепых.

● ● ●
Ни листа, ни холста... Хоть и двадцать,
Хоть и двадцать ещё, не полста,—
Так уже не должно оставаться:
Ни листа, ни холста, ни листа...
Это будет опять повторяться,
Как опавшие листья с куста.
А когда и холсты покорятся—
Вдруг окажется вновь: ни холста,
Ни листа, ни холста... И не двадцать,
И, пожалуй, уже—не полста,
И уже всё трудней—оставаться,
Но ещё—ни листа, ни холста.

...Может, краска была не густа,
А листы полюбили сжигаться,
Не успев ни смолчать, ни признаться,
Что лишь смерть, как улыбка, проста.

Лидер

По выжитым лесам, гнилым селеньям
Проходит человек, почти поэт.
И, наделённый сумеречным зреньем,
Вдали он видит тёмный силуэт,
Но перед силуэтом не пасует.
Любуясь трезвым ликом темноты,
Его воображение дорисует,
Придаст виденью светлые черты.
И будет верить до самосожженья,
Вести и звать на выдуманный свет
Он, наделённый сумеречным зреньем,
Вдали узревший тёмный силуэт.

● ● ●
Я когда-то был в доме одном.
Там у маленькой девочки грустной
Черепашка живёт под столом
И питается белой капустой.

Я спросил: «Почему ты грустна?»
Но она отшатнулась со страху
И чуть слышно сказала: «Весна...»
И прижала к груди черепашку.

● ● ●
«Нас было много на челне...»
А нынче—в тыщу раз поболее!
Поэтому досталось мне
Быть благодарным этой доле—
Уплыть в сторонку от челна.
Да, от спасенья дармового.
Полным ты, лодочка, полна!
А здесь—волна! Свобода! Слово!..

● ● ●
В миру завсегдаатают наглые,
Но в храме порядок таков,
Что к Чаше подходят ангелы
Прежде седых стариков.
И мамы, и мы вместе с ними
(Но, правда, лет до семи)—
Мы тоже были святыми,
А после стали людьми.

Внимайте цветенью сердца—
Тревожного георгина!
Врага и единовѣрца,
Всех тварей оно любило,
Всех скрытых шатром абсента,
Всех бедных, причастных злу!
Внимайте цветенью сердца,
Вмурованного в скалу!

Оно не предаст восторга,
Оно не приемлет торга
На благо цветущих тел.
Пусть жизнь моя в заусенцах,
Пусть я невысок, но сердце
Я вырастил, как хотел!

Когда я умру—не плачьте!
Когда я умру—не плачьте!
Когда я умру—не плачьте—
Мы все лишь вонне глядим!
А в каждом, как флаг на мачте,
Смотрите—как флаг на мачте,
Всмотритесь—как флаг на мачте,
Качается георгин!

Качнитесь и улыбнитесь
Навстречу цветным рассказам,
Навстречу седой косе—
Тогда вы другим приснитесь,
И вспомнят вас лучшей фразой:
«Он прожил свой век как все!»

Дорогою убогой
Метелица бредѣт,
А рядышком с дорогой
Черѣмуха растѣт.
Кто мысли разгадает
Печальных этих мест,
Где птица прилетает
На православный крест?
Где я прошу прощенья
Перед крестом отца
За грубые кочевья,
За чѣрточки лица,
Привитые скитаньем
Мне по земле родной,—
Перед крестом кристалльным
С черѣмухой грудной.
Метель бредѣт дорогой
В посѣлок Кудряши.
Лишь ей да птице строгой
Дан ключик от души.
А место здесь такое,
Что—ты уйдѣшь домой,
А кладбище живое
Размывает берег свой.

О вы, благословенные моря
Солѣных глаз—простор души любимой!
И, звук молчанья сократив: «Моя»,—
Произнесу—и станет соль сладимой,
И сменится земное торжество
Попранья света—светом покаянья:
Названья звѣзд, следивших путь Его,
Мы вспомним после грешного познания.
Душе, в себя принявшей Божий страх,
Ещё не совершенной, но желанной,—
Легко в благословенных плыть морях,
Припав лицом к любви обетованной.

О доблести, растерянной в пути,
О кривизне и шаткости следа,
О близости... О Господи, прости—
А не об этом—так о чём тогда?
Влюблѣнность—вот наука из наук:
Горящий взгляд, обожествлѣнный звук...
Нет, не о них, оставьте, ерунда!
Любовь мудрей, любовь есть расставанье
С немислимими толками о ней,
Она сама—задумчивое знанье
По черновой истории своей
И пишущая вновь и начистую
О доблести, о шаткости следа,
О жажде возрождения стыда,
О близости—
Вот я о чём толкую!

*Я не молюсь никогда,
Я не умею молиться.
И. Анненский*

В каком году, в каком строю,
Какому господу в угоду
Мы исковеркали свою
Простую, добрую природу?
Мне перед ним не жечь свечей—
Ведь даже и в мороз трескучий
Он ждѣт плода с сухих ветвей,
Надломленных на всякий случай.

Метро Зябликово

Здесь выход или переход?..
Ещё не так уж поздно—
Куда девался весь народ?
Мы передохли в переходе.